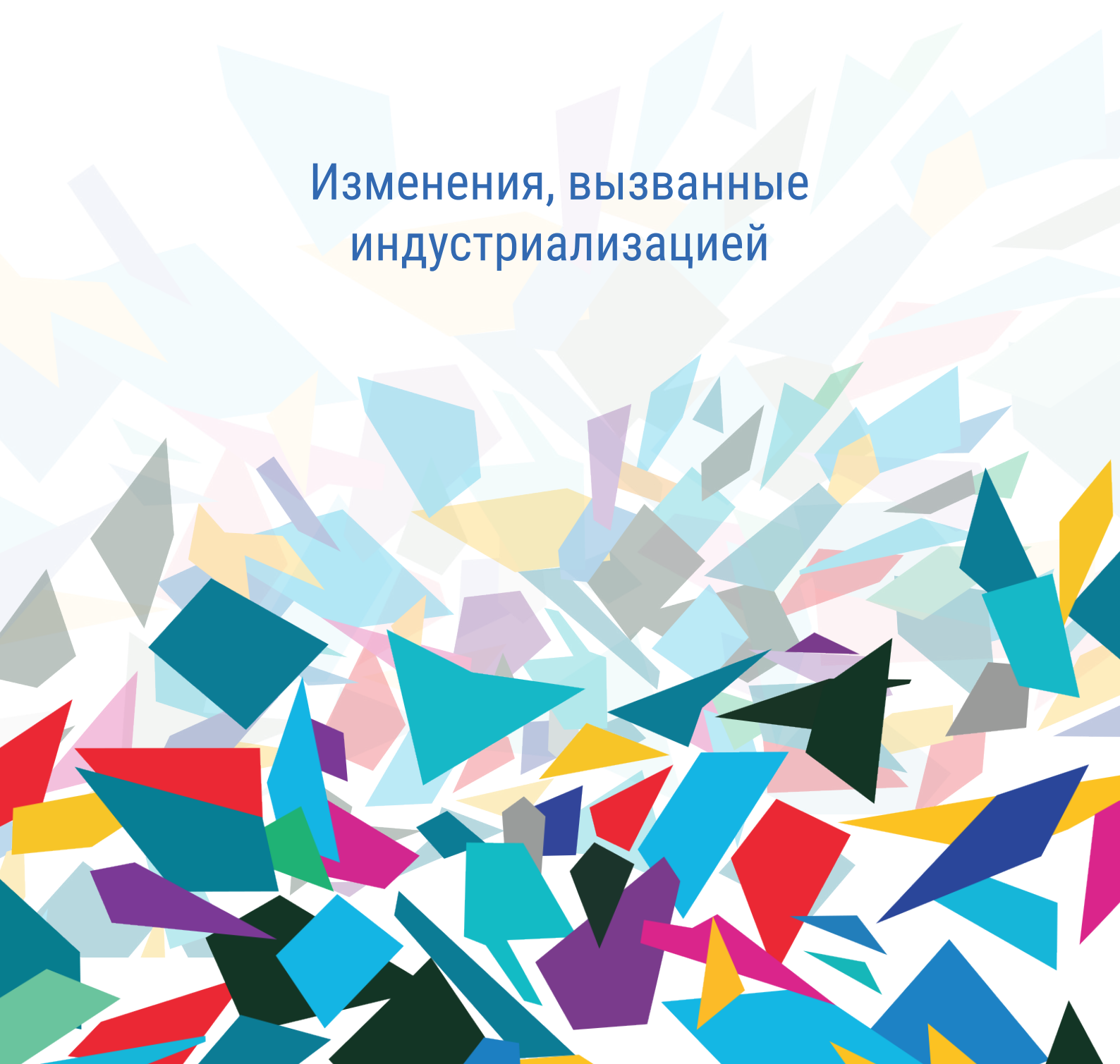

PANORAMA: ИСТОРИЯ МИРА II

Изменения, вызванные
индустриализацией

Начавшись в Англии в 18 веке, к середине 19 века Индустриальная революция стала явлением мирового масштаба. Союз капитала, технологии и науки трансформировал существование людей в самых ее полярных проявлениях – от скрытых для глаз уголков семейного быта до самых резонансных и массовых проявлений общественного коллективного духа.

В 19 веке количество мигрантов, покинувших свои дома – на совсем либо временно – достигло беспрецедентной отметки в 150 миллионов человек. Причин, приведших массы в движение, было, как всегда, множество; тем не менее, не может быть сомнения в том, что, сместив фокус с сельского хозяйства на промышленное производство, индустриализация являлась одной из ключевых. Не менее важным, чем изменение направленности и смысла труда, стало внедрение технических средств, благодаря которым у миллионов людей появилась возможность не только относительно быстро и безопасно преодолевать огромные расстояния, но и легче адаптироваться к условиям жизни вдали от родины.

Росту в количестве мигрирующих соответствовали изменения в их демографическом составе. Как известно, с прибытием в Америку европейцев и с появления первых, ориентированных на экспорт, экономик в Западном полушарии, одним из главных векторов глобальной миграции был африканский вектор; до первой половины 19 века каждый год десятки тысяч рабов пересекали Атлантику, чтобы попасть на плантации сахарного тростника, кофе или хлопка. С 40-х годов, количество черных рабов, перевозимых через океан на невольничьи рынки, начало резко падать, практически исчезнув к 1870 году.

Возрастающее нравственное негодование, вызванное торговлей людьми, возымело эффект только когда соображения экономического толка пришли на поддержку общественным организациям по противодействию рабству. Вводимая Британией беспощадная торговля усилила глобальную конкуренцию, тем самым снизив добавочный доход с продажи продуктов рабского труда. Участвовавшие выступления рабов в США и в Бразилии – двух основных рабовладельческих экономик – вкупе с пугающими образами Гаитянской резни заставляли плантаторов-рабовладельцев тратить все большие средства на собственную безопасность. Наконец, появление новых перспективных отраслей индустрии – в инфраструктуре, горном деле и т. п. – значительно сузили поток инвестиций в направлении плантаторских хозяйств. Рабский труд постепенно терял экономическую значимость в глазах предпринимателей новой эпохи. Капиталу была нужна высокопродуктивная и мобильная рабочая сила, а не привязанные к месту деморализованные и озлобленные невольники.

Союз поборников высоких идеалов Просвещения с экономическими прагматиками эпохи Индустриализации постепенно вытеснил покупку и продажу людей из рамок законности. К 1814 году Англия, Дания, Нидерланды и США запретили торговлю людьми. Это, однако, еще не означало запрета рабства как института – он продолжал оставаться основой экономик южных штатов США, Бразилии и Кубы; кроме того, несмотря на запрет, как внутренняя торговля рабами, так и нелегальная трансатлантическая торговля продолжали менять судьбы миллионов людей на протяжении как минимум пятидесяти лет. Контрабандистам от работорговли приходилось все же считаться с Британским флотом, патрулирующим Атлантику, и отправлявшим «конфискованный» у работорговцев «человеческий товар» в свою маленькую колонию Сьерра Леоне на западном берегу Африканского континента.

С сокращением трансатлантической торговли, основным источником мигрантов становился Европа. К 1939 году, около 55 миллионов жителей континента покинули родные земли в поисках лучшей доли и новых возможностей. Большая часть из них осела в уже существующих европейских поселениях – называемых «Нео-Европах» – самые крупные из которых были представлены в США. Помимо США, европейцы отправлялись за тысячи километров в самых разных направлениях: кто в Сибирь, кто в Канаду или Аргентину, а кто в Австралию, еще недавно служившей огромной исправительной колонией Британской империи.

Индустриализация и демографический взрыв были двумя ключевыми условиями массовой миграции из Европы. Индустриализация подняла вопрос о необходимости мобильной рабочей силы, способной к переходу из одной отрасли в другую в зависимости от экономической конъюнктуры. Перенаселение же, в свою очередь, привело к появлению миллионов людей, жаждущих работы – это касалось в наибольшей степени восточной и южной частей континента, лишенных возможности абсорбировать этот избыток без радикальных изменений в социально-экономической структуре регионов.

Следует добавить к этим двум условиям и внутреннюю нестабильность на Европейском континенте, проявившемся в неурожайе и голоде (как это было в Ирландии), многочисленных революциях, или в дискриминационных мерах, принятых против представителей этнических или религиозных меньшинств правительствами России, Румынии или Османской империи.

Прибытие миллионов Европейцев в любую из «нео-Европ» в большинстве случаев обобщалось для коренного населения социальной маргинализацией, утратой традиционного образа жизни, частичным или полным вымиранием. Так было в США, где нуждающиеся в земле иммигранты из Ирландии, Скандинавии и немецких государств, стали дополнительным обоснованием для государственной политики, направленной на вытеснение индейских народностей на территории к западу от Миссисипи. Похожая ситуация сложилась в Патагонии, на южной оконечности Южноамериканского континента. Фактически независимые от Испании во время существования колониальной империи, Арауканы и прочие народности региона вынуждены были отступить и оставить свои земли перед двойным напором индустриальных армий и сотен тысяч мигрантов из Европы.

Для аборигенов Австралии и Новой Зеландии, европейская эмиграция обернулась демографической катастрофой, подобной индейской тремя веками ранее. Часть Британской империи, Австралия долгое время использовалась, как исправительная колония. Золотая лихорадка в середине века положила начало новой – теперь уже добровольной миграции – в результате которой численность переселенцев увеличилась за десять лет в три раза. Население аборигенов, лишенной как правовой, так и биологической защиты, резко уменьшилось, опустившись ниже отметки в 100,000 человек к началу 20 века.

Численность коренного населения Сибири, напротив, оставалась на протяжении 19 века более-менее стабильной; основной шок пришелся веком ранее. Переселение крестьян из Европейской части Российской империи – ускорившееся с отменой крепостного права в 1861 году – отражалось в утрате сибирскими народностями земель, правовых ущемлениях (связанных с появлением сословия «иностранцев»), и изменениях, часто травматических, в традиционном образе жизни. С похожими последствиями переселенческого движения столкнулись и Центральноазиатские кочевники, постепенно входившие в зону российского влияния.

Значительной была и миграция из восточных и южных регионов Азии. Азиатские мигранты покидали свои дома часто в качестве временной рабочей силы, поэтому большое их число вернулось обратно. Их мотивы во многом были схожими с причинами, которые побудили Европейцев распрощаться с привычным укладом и отправиться в далекие, полные биографических неопределенностей, странствия. Колониальный контекст, тем не менее, играл здесь большую роль. Британия, к примеру, часто прибегала к своему огромному индийскому резервуару, чтобы компенсировать нехватку рабочих рук в каком-нибудь другом регионе империи. Китайские мигранты, следовавшие по традиционному южному маршруту или же отправляющиеся через Тихий океан для строительства трансконтинентальной железной дороги, были во многом порождением как ослабления центральной власти, так и растущим влиянием колониальных держав в самом Китае.

С формальной точки зрения, азиатская миграция была добровольной. Но, несмотря на отсутствие элемента физического принуждения, именно индустриализация и связанное с ней строительство колониальных империй создало ту среду, заставившую миллионы индийцев, китайцев и прочих жителей азиатского континента влиться в миграционный поток: речь идет о возросшей экономической зависимости периферии от метрополии и о массовом обнищании. Многие, если не по принуждению, оказались далеко за пределами своего родного края обманчивым путем: рабочим мигрантам часто не предоставляли правдивой информации ни о заработках, ни об условиях труда. Последние же, особенно в Тропиках, были схожими с рабскими; причина этому заключалась не только в тяжести труда или в климате, но и в той власти, коей были наделены прикрепленные к мигрантским артелям преимущественно белые надсмотрщики.

В результате мощных миграционных потоков, начавшихся еще с введения рабства в Западном полушарии и создания первых европейских поселений, к 1900 году этнографическая карта мира приобрела современные, знакомые нам очертания. На территории Северной Америки,

в южных областях Южной Америки, в Австралии и в областях северо-восточной Евразии выходцы из Европейского континента составляли большинство. Значительные конгломерации, состоящие из жителей Южной и Восточной Азии и их потомков сформировались на Зондских островах, на Малаккском полуострове, в Тихоокеанском регионе, в Карибском бассейне, в Южной и Центральной Америке. Чернокожее население было широко представлено на обеих Америках, в первую очередь в регионах с основанной на рабском труде экономикой: т. е. на Юге США, Карибах и Бразилии.

Индустриализация, создавшая условия и возможности для небывалых перемещений из одного региона планеты в другой, наполнила век экстраординарными по уровню насилия войнами. Конфликты середины 19 века отличались от своих предшественников массовым использованием новых технологий – созданных как для мобилизации сотен тысяч тел и приведения их в движение, так и для наиболее действенного их разрушения. Продолжая и преодолевая тенденции, начатые войнами Французской революции, конфликты индустриальной эпохи, были одновременно и предвестниками катаклизмов следующего века.

К числу наиболее разрушительных войн 50-х и 60-х годов 19 века следует отнести Крымскую, или Восточную войну 1852-1856 гг., Парагвайскую войну 1864-1870 гг., восстание Тайпинов в Китае 1851-1867 гг., Сипайское восстание в Индии 1857-58 гг. и Американскую гражданскую войну в 1861-1865 гг.

Начавшаяся как очередная русско-турецкая война, Крымская война очень быстро превратилась в кровавую конфронтацию между Российской Империей и озабоченными геополитическими претензиями последней западноевропейскими державами – Францией и Англией в первую очередь (к конфликту на стороне антирусской коалиции присоединилась Сардиния). Боевые действия проходили в разных углах огромной Российской империи – от Камчатки вплоть до Аландских островов в Балтийском море; ключевым являлся Крым, где многотысячный англо-франко-турецкий корпус в течение 11 месяцев пытался взять главную морскую базу русских – Севастополь, а находящаяся вблизи царская армия пыталась его деблокировать. В конечном итоге союзники взяли Севастополь, вынудив Россию пойти на целый ряд унижительных для ее имперского статуса уступок.

Крымская война стоила участникам более полумиллиона жизней. Она странным образом сочетала в себе вопиющую некомпетентность командующих армий с массовым применением новейших технологий. Нарезные ружья, паровые суда, мины и торпеды, телеграф и даже фотография (с сопутствующим ей фотожурнализмом) прошли своеобразный обряд крещения на изуродованном артиллерийской канонадой ландшафте полуострова. Показательным было и то, что победа в этой войне была достигнута не столько полководческим даром, или боевым духом солдат, сколько большим индустриально-техническим потенциалом Англо-Французской коалиции. Это было признано и русским правительством, инициировавшим амбициозную программу модернизации сразу же по заключению мирного договора.

Парагвайская война – или Война Тройственного союза – была вызвана стремлением небольшого Парагвая превратиться в региональную державу. При двух диктаторах Карлосе Антонио Лопесе и его сыне Франциско Солано, экономика Парагвая вошла в полосу роста, что позволило стране создать хорошо оснащенную и многочисленную армию. Несмотря на это, справиться Парагваю с тремя противниками сразу – Бразилией, Аргентиной и Уругваем – оказалось не под силу. Боевые действия быстро перекинулись на территорию самого Парагвая; попытки ведения партизанской войны против регулярных войск союзников привели к разрушительным контрамерам. В результате, на момент окончания конфликта в 1870 году, населения Парагвая уменьшилось на 60 %, при этом мужчины составляли менее одной пятой части. Война обернулась и экономическим бедствием, поставив страну в состояние экономической зависимости как от своих победоносных соседей, так и от международного финансового капитала.

Наиболее разрушительным конфликтом с точки зрения абсолютного количества потерь стало Тайпинское восстание в Китае. По существу, это была настоящая гражданская война между сторонниками основанного новое государство – Тайпин – Хуна Сюэуаня и маньчжурской династией. На время восставшим удалось занять значительную часть центрального Китая вместе с южной столицей империи – городом Нанкин, но неурядицы в лагере тайпинов и

помощь, оказанная Пекинскому двору западными державами, в конечном итоге, склонили чашу весов в сторону династии Цин. В независимости от прихотей фортуны, противостоящие стороны регулярно прибегали к массовым казням. Тот же Нанкин подвергся опустошению как минимум дважды: с взятием города тайпинами и приходом войск Цин. В общем, восстание, едва ли не приведшее к падению маньчжуров, обошлось Китаю по разным оценкам от 10 до 30 миллионов жертв.

В то время, как Китай сотрясало от внутренних конвульсий Тайпинского восстания, английская Ост-Индская компания столкнулась, пожалуй, с самым серьезным вызовом своей власти с момента своего основания. Формальным поводом для выступления сипаев – индийских войск на службе у британцев – стало введение компанией свиного и говяжьего жира для смазки патронов. Фактически же, восстание отразило целый ряд связанных с колониальной администрацией проблем: налоговое бремя, упадок местного промысла, расизм, обнищание. У восставших не было единой «национальной» программы, но в своей ненависти к колониальной власти и к британцам они были едины.

Эта ненависть и проявилась в жестокости восставших индийцев по отношению к захваченным европейцам. Жестокостью отличились и британцы при подавлении восстания. В итоге, подавив восстание и аннулировав компанию, Британия установила прямое управление колонией, передав ее наместнику, или вице-королю. Новая администрация приступила как к созданию школ и современной инфраструктуры, так и к более системной эксплуатации природных и человеческих ресурсов страны.

Наконец, гражданская война в США объединила в себе элементы внутреннего восстания и традиционной войны. Длившаяся ровно 4 года, война стала самой кровавой в истории США, и одной из самых кровавых в 19 веке. У войны было много причин: растущие сложности во взаимоотношениях федерального центра и претендующих на большую автономию штатов, региональные различия, и, конечно же, институт рабства. Юг, выигравший от индустриализации благодаря хлопковым плантациям, не желал отказываться от рабов; Север же стремился к ограничению влияния Юга, и вместе с тем к сдерживанию – а в перспективе и сворачиванию – основанной на невольничьем труде экономике. Избрание кандидата северян Авраама Линкольна в 1860 году на пост президента послужило сигналом к выходу Юга из Североамериканского союза и образованию ими Конфедерации Южных Штатов.

Подобно Крымской войне – правда, в большем масштабе – война стала испытанием на прочность. Север душил Юг морской блокадой, посылал применявшие тактику выжженной земли армии, поощрял объявленных в 1863 году свободными рабов к восстанию; Юг, не имея индустриальных ресурсов Севера, надеялся на помощь своего главного импортера хлопка – Великобритании. Этого не произошло, но Юг, будучи обреченным, продолжал сопротивляться до самого конца, пока не иссякли силы и оставались незанятыми ключевые территории.

Закончившись поражением и оккупацией Юга, Гражданская война стала воистину травматическим событием в истории США. Тем не менее, именно Гражданская война покончила с институтом рабства, превратив бывших рабов в формально равных белому населению граждан. Война же окончательно закрепила статус США индустриальной державы. Во внутренней политике, она решительно переместила центр политической тяжести в сторону Вашингтона и федерального правительства.

Вышеупомянутые войны – равно как и войны, ведомые на Европейском континенте за объединение Италии и Германии – отразили трагический аспект нового глобального динамизма. Нельзя сказать, что этими войнами были решены приведшие к ним проблемы. Наоборот, проблемы во многом только усугубились. На время, перед Европейскими державами, а, затем, и США, встало искушение установления номинального – вслед за фактическим – господства на планете. Колониальной гонке временно удалось снизить уровень напряжения в Европе и создать иллюзию мира на континенте. Этому настроению не суждено было продлиться, и уже с конца 19 века европейские державы начинают привыкать к мысли о неизбежном противостоянии.